На сѣверо-восточномъ Кавказѣ.

Молодые, а слѣдовательно и лучшіе годы моей жизни мнѣ пришлось провести въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, и я исколесилъ ихъ вдоль и поперекъ на многія тысячи верстъ. Всюду, куда меня кидала судьба, первою моею заботой было наводить самыя тщательныя справки о родахъ охоты въ данныхъ мѣстахъ. Описывать мѣста и виды охотъ въ Средней Азіи я не буду, такъ какъ объ этомъ уже писалось, да пишется много еще и теперь. Я же буду говорить о моихъ воспоминаніяхъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ.

Въ 188* году судьба забросила меня на Кавказъ. За долго до моего переселенія въ страну, опоэтизированную Лермонтовымъ, я навелъ точныя справки у людей, бывавшихъ тамъ, а по преимуществу — у „кавказскихъ человѣковъ“, о видѣ и характерѣ мѣстности, людяхъ, живущихъ тамъ, а главное, о пернатомъ и звѣриномъ населеніи края. Результаты разспросовъ превзошли мои ожиданія. Я невольно поддался сомнѣнію, вспомнивъ пословицу: „всякъ куликъ свое болото хвалитъ“, до того казались мнѣ преувеличенными разсказы о прелестяхъ Кавказа.

Виноватъ. Я немного неточно выразился. Рѣчь идетъ далеко не о цѣломъ Кавказѣ а только о его сѣверо-восточныхъ и восточныхъ окраинахъ.

Если не лѣнь читателю, то рекомендую взглянуть на карту Кавказа и отыскать на ней указанныя мною мѣста: Хасафъ-Юртъ, Чапчакъ, Чиръ-Юртъ, Петровскъ, Темиръ-ханъ-Шура, Дешлагаръ, Дербентъ, Кусары, Куба и Баку. Полоса земли, на которой расположены означенные пунк-

ты, тянется на протяженіи около 520 верстъ въ длину и отъ 10 до 40 верстъ въ ширину.

Пространство это заключаетъ въ себѣ мѣстности всевозможныхъ видовъ и характеровъ, начиная отъ голыхъ, безплодныхъ песчаныхъ степей и такихъ же голыхъ скалистыхъ горъ, до тучныхъ, покрытыхъ всевозможною растительностью долинъ и горъ.

Характерная особенность безплодныхъ равнинъ (между Чиръ-Юртомъ и Петровскомъ) та, что на нихъ расположена масса большихъ озеръ, которыя тутъ носятъ названіе „Бакасъ“ и тянутся непрерывною цѣпью до Аграханскаго залива Каспійскаго моря.

Озера эти служатъ, повидимому, сборнымъ пунктомъ для водоплавающей птицы при ея весеннемъ пролетѣ съ юго-восточныхъ окраинъ Кавказа на далекій сѣверъ Россіи.

Трудно описать картину, которую представляютъ собою озера Бакаса въ періодъ времени между 15 февраля и 1 апрѣля. Кажется нѣтъ той породы водоплавающей дичи, которая бы не имѣла тамъ своихъ представителей; всевозможныхъ породъ утки, гуси, крохали, нырки, лебеди, и все это въ баснословно-громадномъ количествѣ. Зачастую натыкаешься на озера, въ буквальномъ смыслѣ слова, усѣянныя птицей. Тутъ все сидитъ въ перемежку; около степеннаго лебедя быстро егозитъ крошечный чирокъ; въ стаѣ кряковыхъ утокъ замѣшался гусь; и все это тянетъ свою несмолкаемую пѣсню на всевозможные лады. Надъ всѣмъ Бакасомъ стонъ стоитъ. Нѣтъ надобности охотнику разсматривать дорогу на Бакасъ: достаточно только знать направленіе. Въ тихую погоду, а въ особенности въ вѣтеръ, дующій съ Бакаса, за 2—3 версты слышенъ невообразимый крикъ. Достаточно ѣхать на этотъ шумъ, чтобы попасть на хорошее для охоты мѣсто.

На эту охоту обыкновенно собираются по нѣскольку человѣкъ, при этомъ запасаются для питья прѣсною водой, (такъ какъ вода въ озерахъ горько-соленая), теплымъ платьемъ и палаткой.

Берега озеръ низменные, почти безъ всякой растител-

ности, такъ что подойти къ уткамъ незамѣченнымъ немыслимо.

Охота обыкновенно производится утромъ, отъ зари часовъ до десяти, и вечеромъ—отъ четырехъ до темноты. Охотники располагаются въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ другъ отъ друга на перешейкахъ озеръ, благодаря чему птица постоянно снуетъ отъ одного озера къ другому.

Необходимо имѣть вѣжливую собаку, которая бы доставала изъ воды убитую дичь. Хотя многіе охотники обходятся безъ собаки, располагаясь для охоты подальше отъ берега озера такимъ образомъ, чтобы убитая птица падала на сухое мѣсто, но такой способъ охоты менѣе добычливъ, такъ какъ чѣмъ дальше отъ берега пролетаетъ птица, тѣмъ выше она летитъ, а потому и труднѣе ее стрѣлять; кромѣ того, по крайней мѣрѣ 25% убитой или сильно пораненой птицы, а особенно вечеромъ, безъ собаки найти невозможно.

Не будучи самъ любителемъ подобнаго рода охоты, я ѣздилъ въ эти мѣста не особенно часто, и то не болѣе какъ на однѣ сутки, не столько для истребленія весеннихъ гостей, сколько для того, чтобы послушать концертъ, поистинѣ достойный вниманія каждаго охотника-любителя.

Бакасъ находится въ глухомъ малонаселенномъ мѣстѣ, гдѣ охотниковъ очень мало и тѣ исключительно изъ интеллигенціи; охотниковъ-промышленниковъ вовсе нѣтъ, такъ какъ сбывать убитую дичь положительно некуда и некому. Въ послѣднее время условія эти вѣроятно измѣнились, такъ какъ съ проведеніемъ Беслано-Петровской желѣзной дороги сбытъ убитой дичи значительно облегчился.

Къ сожалѣнію, среди интеллигентныхъ охотниковъ есть, какъ мы ихъ называли, „шкурятники“, которые, прикрываясь личиною любителя, разбойничали на охотахъ не хуже любого промышленника. Такихъ шкурятниковъ было одинъ или два; когда они собирались на охоту, то мы говорили: „А! за мясомъ!“ Это восклицаніе было вполнѣ правильно, такъ какъ, уѣзжая на охоту дня на три или на четыре, эти господа забирали съ собою деревянныя кадки и необходимое количество соли. Убитую за день дичь, безъ

всякаго различія породъ, въ тотъ же вечеръ щипали, потрошили, солили и укладывали въ кадки; такимъ образомъ дѣлали запасы дичи для домашняго обихода на болѣе или менѣе продолжительное время. Все это дѣлалось не по матеріальнымъ недостаткамъ, а по человѣческой жадности ко всему даровому.

Насколько добычлива охота на Бакасѣ, видно изъ того, что посредственный охотникъ, съ ружьемъ весьма сомнительнаго качества, въ хорошую раннюю весну убиваетъ въ одинъ день до 20 утокъ, 3—4 гуся, а зачастую на придачу и лебедя.

Западная оконечность низменности Бакаса оканчивается болотами, поросшими камышемъ, гдѣ дикія свиньи и пролетные бекасы находятъ пріютъ почти недоступный для охотника. Это мѣсто—разсадникъ дикаго свинства.

Съ конца февраля дикія свиньи приступаютъ къ устройству логовищъ, которыя располагаютъ въ сильныхъ трущобахъ, избирая для этого по преимуществу сухія мѣста; но въ иные годы, весной, уровень воды на Бакасѣ бываетъ выше нормальнаго и тогда число удобныхъ сухихъ мѣстъ значительно сокращается. Кабаны однако объ этомъ не горюютъ, устраивая гнѣздо прямо на водѣ, для чего на излюбленное мѣсто натаскиваютъ камышу и бутятъ имъ это мѣсто; поверхъ импровизированной плотины устраиваютъ уже настоящее жилье.

Свиньи обыкновенно поросятся въ продолженіе марта мѣсяца, и затѣмъ, съ половины апрѣля, онѣ начинаютъ выводить свое потомство въ сосѣдніе лѣса. Съ этого времени начинается охота на поросятъ „сосунковъ“.

Первое мое знакомство съ особенностями этого рода охоты было 29 апрѣля 188* года.

Наканунѣ этого дня компанія охотниковъ собралась у г-на З. для рѣшенія вопросовъ о предстоящей охотѣ на слѣдующій день. Много было споровъ и толковъ въ какой мѣстности охотиться, какіе гаи брать, какіе не брать, съ которой стороны заводить собакъ и гайщиковъ (загонщиковъ), на сколько времени ѣхать и что съ собою брать.

Вообще вопросъ о предстоящей охотѣ былъ разрабо-

танъ до мельчайшихъ подробностей. Я, какъ человѣкъ новый, а потому не знающій мѣстныхъ особенностей охоты, во все время споровъ только молчалъ и слушалъ. Изъ всего слышаннаго я принялъ къ свѣдѣнію только то, что завтра въ 5 ч. утра мы должны выѣхать и собраться въ 20 вер. на полянѣ у большого помѣщичьяго лѣса.

Въ 10 ч. вечера, возвратившись отъ З., я тотчасъ же приступилъ къ необходимымъ приготовленіямъ для предстоящей охоты: протеръ стволы, осмотрѣлъ исправность замковъ и затѣмъ приступилъ къ снаряженію патроновъ сферическими пулями и картечью. Ружье у меня было Пипера съ дамасковыми стволами, 12 калибра, правый стволъ цилиндрическій,—лѣвый—чокъ-боръ.

Въ 4½ часа тройка лихихъ коней, запряженныхъ въ линейку, подкатила къ моему крыльцу. Уложивъ кое какія вещи, мы покатили.

Версты четыре мы ѣхали по ровной открытой мѣстности; потомъ начался мелкій кустарникъ, смѣнившійся весьма частымъ молодымъ дубнякомъ. На 8-й верстѣ мы переѣхали вбродъ черезъ небольшую болотную рѣчушку и затѣмъ, вплоть до мѣста охоты, мы переѣзжали такую массу подобныхъ же рѣчушекъ, что я имъ и счетъ потерялъ.

Добравшись до сборнаго пункта, мы уже застали тамъ двухъ конныхъ псарей съ 26 гончими и 40 человѣкъ гайщиковъ. Къ 6½ часамъ вся компанія была въ сборѣ.

Первый гай, который предположено было заложить, представлялъ собою весьма крѣпкое мѣсто. Находясь къ востоку отъ большого лѣса, онъ состоялъ изъ частаго десятилѣтняго дубоваго лѣса, среди котораго было нѣсколько низкихъ мѣстъ, затопленныхъ водою и поросшихъ камышемъ. Тотчасъ же гайщики и собаки были отправлены на противоположную сторону этого лѣса, охотники же заняли мѣста вдоль поляны, такимъ образомъ, что ни одинъ звѣрь, выгнанный изъ гая и направленный непремѣнно въ большой лѣсъ, не могъ пройти внѣ выстрѣловъ охотниковъ.

По данному сигналу начался гонъ. Минутъ пятнадцать царила мертвая тишина.

Вдругъ тявкнули двѣ собаки на противоположныхъ концахъ лѣса, къ нимъ подвалили остальныя, заголосили и затрещали гайщики и весь лѣсъ застоналъ.

Лежа въ ложбинкѣ, я слегка приподнялся на локтяхъ, чтобы видѣть впереди лежащую мѣстность, которую закрывалъ небольшой буґорокъ, находившійся впереди меня шагахъ въ пяти. Несмотря на поднявшійся шумъ въ лѣсу, я ясно разслышалъ потрескиваніе сучьевъ, производимое, очевидно, идущимъ звѣремъ. Я удвоилъ вниманіе. Въ это время изъ лѣсу вышелъ кабанъ и курцъ-галопомъ направился прямо на меня. Вставивъ ружье въ плечо, я подпустилъ его шаговъ на десять и выстрѣлилъ. Онъ тутъ же ткнулся мордою и, въ предсмертныхъ судорогахъ, проползъ еще шаговъ пять.

Перезарядивъ ружье и не вставая съ мѣста, я наблюдалъ опушку лѣса. Вышедшій на меня кабанъ былъ, очевидно, шумовой, такъ какъ гонъ былъ еще слишкомъ далеко. Не прошло и двухъ минутъ послѣ моего выстрѣла, какъ изъ лѣсу выскочилъ прямо на меня олень и остановился у убитаго мною кабана, какъ вкопаный. Я успѣлъ разглядѣть, что это была самка въ послѣднемъ періодѣ беременности. Снявъ шапку, я съ ней раскланялся. Отъ этого движенія она шарахнулась въ сторону и понеслась съ поражающею быстротой вдоль цѣпи къ правому флангу. Не успѣла дойти она до № 1, какъ оттуда послѣдовали одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ по вышедшимъ между 1 и 2 №№ шести свиньямъ. Перепуганная выстрѣлами ланка, поворотивъ назадъ, прошла вдоль всей цѣпи охотниковъ и скрылась.

Послѣ выстрѣловъ на правомъ флангѣ на нѣкоторое время все стихло, такъ какъ стая гончихъ подвалила къ смертельно раненому кабану, лежавшему шагахъ во ста позади 3 №.

Наконецъ собакъ отогнали и направились обратно въ гай. Загонщики были еще далеко.

Спустя немного времени собаки опять погнали, разбившись на три партіи. Гнали съ азартомъ, но звѣрь упорно держался въ лѣсу, не желая, повидимому, выходить. Не

будь загонщиковъ, которые своимъ неистовымъ крикомъ принудили таки звѣря двинуться на линію стрѣлковъ, онъ бы повернулъ обратно и велъ бы за собою собакъ. Благодаря соединеннымъ усиліямъ загонщиковъ и собакъ, почти одновременно въ разныхъ пунктахъ опушки лѣса показались свиньи.

По всей линіи стрѣлковъ открылась страшная трескотня, а затѣмъ еще нѣкоторое время раздавались одиночные выстрѣлы. Это вѣроятно добивали раненыхъ. По данному сигналу всѣ собрались къ серединѣ, и пока псари сосворивали собакъ, мы подводили итоги убитому звѣрю; оказалось: четыре кабана, двѣ годовалыхъ свинки, одинъ волкъ и одна дикая кошка.

Тутъ пришлось наблюдать интересный фактъ живучести кошки. Первыми двумя выстрѣлами, шагахъ въ 15-ти, переднія лопатки ея были пронизаны насквозь; вторые два выстрѣла попали ей въ задъ. Только послѣ пятаго выстрѣла, картечью въ бокъ, она легла, но еще огрызалась на подошедшаго охотника, который вынужденъ былъ добить ее прикладомъ. Снятая шкура представляла положительно рѣшето; въ особенности бросались въ глаза дыры, сдѣланныя сферическими пулями 12-го калибра.

Забравъ трофеи, мы отправились на станъ закусить, и затѣмъ заложили второй гай тутъ же, въ большомъ дубовомъ лѣсу.

Къ двумъ часамъ мы двинулись къ новому мѣсту охоты. Опять загонщики и собаки были заведены съ надлежащей стороны, а мы заняли свои мѣста вдоль дороги, прорѣзывающей крупный и чистый дубовый лѣсъ, въ которомъ только кое-гдѣ попадались небольшія ложбинки, поросшія высокою и густою прошлогоднею травой. Предполагалось стрѣлять только взрослыхъ свиней; поросятъ же должны были ловить живыми.

Гонъ начался, но звѣрь крутился, повидимому, на мѣстѣ.

Прошло около часа времени и до насъ стали доноситься взвизгиванія сначала старой свиньи, потомъ и поросятъ.

Видя, что стоя на мѣстѣ, мы кабановъ не дождемся,

мы рѣшили сами идти къ нимъ навстрѣчу, для чего, оставивъ ружья на дорогѣ, подъ присмотромъ караульщиковъ, сами, въ томъ же порядкѣ, какъ стояли на нумерахъ, двинулись цѣпью навстрѣчу загонщикамъ, имѣя путеводителемъ свиной концертъ. Такимъ образомъ, мы съ загонщиками составили кольцо, въ серединѣ котораго очутились собаки и двѣ свиньи съ поросятами.

Тутъ началась ловля. Нужно замѣтить, что поросята, которымъ было не болѣе шести недѣль, были замѣчательно увертливы и легко въ руки не давались. При ловлѣ не обошлось и безъ курьезовъ, когда кто-либо, желая накрыть собою затаившагося въ травѣ поросенка, падалъ ницъ въ колючую траву и затѣмъ, вставая, изрыгалъ массу проклятій, такъ какъ результатомъ паденія, въ большинствѣ случаевъ, были только поколотыя и поцарапанныя лицо и руки, а поросенокъ благополучно ускользалъ.

Результатомъ этой охоты было одинадцать поросятъ, изъ которыхъ два пойманы загонщиками, а девять собаками. Къ сожалѣнію, поросята, пойманные собаками, были всѣ поранены; изъ нихъ семь поросятъ, тяжело раненыхъ, пришлось тутъ же прирѣзать.

На этомъ наша охота и закончилась.

Привезенные домой поросята черезъ 5—6 дней уже настолько попривыкли, что не стѣсняясь присутствіемъ человѣка, ѣли предложенный кормъ, но приручить совершенно дикаго поросенка никому не удавалось. Продержанный въ избѣ мѣсяца полтора или два, и затѣмъ выпущенный на свободу, онъ тотчасъ же присоединяется къ бродящимъ по улицамъ домашнимъ свиньямъ; но уже черезъ годъ, когда поросенокъ превратится въ настоящую свинью или кабана, въ немъ начинаютъ проявляться все въ большей и большей степени дикіе инстинкты, такъ что хозяинъ вынужденъ бываетъ его прикончить.

Поросята отъ дикой свиньи, рожденные въ неволѣ, окончательно теряютъ всѣ дикіе инстинкты. Тогда ихъ можно отличить отъ домашнихъ только лишь по большой головѣ (несоразмѣрной съ туловищемъ), торчащимъ ушамъ и длиннымъ ногамъ, а кабана—по сильно развитымъ клы-

камъ. Впослѣдствіи, при скрещиваньи ихъ съ чисто-домашнею породой, они постепенно мѣняютъ свой видъ и уже въ пятомъ поколѣніи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ домашнихъ свиней.

Не могу не указать на особенную живучесть дикихъ свиней, свидѣтелемъ которой мнѣ неоднократно приходилось быть самому.

Однажды, будучи на кабаньей охотѣ въ окрестностяхъ Темиръ-аула и стоя въ пересадѣ на полянѣ среди лѣса, я услышалъ впереди себя трескъ сухихъ вѣтокъ. Очевидно, кабанъ шелъ на меня. Спустя немного времени, изъ лѣсу выскочила полуторагодовая свинка и быстро понеслась ко мнѣ почти на штыкъ. Подпустивъ ее шаговъ на пятнадцать, я выстрѣлилъ, но она только наддала ходу, посторонившись немного отъ меня, и прошла за цѣпь, между мною и лѣвѣе стоявшимъ сосѣдомъ, который послалъ ей въ угонъ тоже пулю. Послѣ этого выстрѣла свинка поворотила кругомъ и съ тою же быстротой прошла между нами обратно. Вскинувъ ружье, я послалъ ей въ догонку пулю, но она, какъ ни въ чемъ не бывало, тѣмъ же аллюромъ скрылась въ лѣсу.

Сойдя съ своего мѣста, я увидѣлъ, что по слѣду свиньи много крови и, задержавъ бѣжавшихъ вдоль цѣпи пару гончаковъ, направилъ ихъ на слѣдъ бѣглянки. Собаки, учуявъ слѣдъ и увидѣвъ кровь, помчались въ лѣсъ, заливаясь, какъ по зрячему. Оставаясь на мѣстѣ, я долго прислушивался къ ихъ голосамъ, которые все болѣе и болѣе удалялись въ глубь лѣса. Наконецъ голоса смолкли. Я былъ увѣренъ, что собаки настигли потерявшую силы свинью, и что теперь онѣ ей не дадутъ шагу сдѣлать.

Правѣе меня вышли четыре загонщика. Разсказавъ имъ, въ чемъ дѣло и указавъ направленіе, по которому скрылась свинья, я велѣлъ имъ идти и разыскивать залегшую свинью. Пока мы закусывали тутъ же на полянѣ, прошло не болѣе часа времени, и изъ лѣсу уже вышли тѣ же четыре загонщика, неся на палкахъ злополучную хавронью. Оказалось, что они ее нашли въ полуверстѣ, сидѣвшею

подъ дубомъ и огрызавшеюся отъ насѣдавшихъ на нее двухъ гончаковъ.

По внимательномъ осмотрѣ оказалось, что первая моя пуля, попавъ въ лѣвый пахъ, вышла у задняго прохода; вторая же моя пуля (по счету третья) попала ей за правое ухо, сколовъ часть черепа около квадратнаго дюйма; пуля моего сосѣда, попавъ въ правый пахъ, вышла позади лѣвой лопатки. Внутренности свиньи оказались сильно истерзанными, такъ какъ моя сферическая пуля 12-го калибра, а также бердановская пуля моего сосѣда, добросовѣстно исполнили свое дѣло; не ихъ вина, что свинья надѣлена такою невѣроятною живучестью.

Однажды, въ разговорѣ съ докторомъ Т., зашла рѣчь о томъ, какое мѣсто въ тѣлѣ свиньи считать самымъ убойнымъ. Тутъ Т. самымъ докторальнымъ тономъ сталъ доказывать, что пуля, прошедшая не только въ сердце, но и близко около него, обязательно свалитъ свинью въ моментъ выстрѣла на-мертво. Бывшіе тутъ же посторонніе слушатели нашего спора горячо поддержали мнѣніе лучшаго изъ врачей, какимъ считался г. Т. Несмотря на это, я съ неменьшей горячностью увѣрялъ всѣхъ, что далеко не каждая свинья, раненая пулею въ сердце, тутъ же падаетъ замертво, причемъ я привелъ нѣсколько примѣровъ изъ моей слишкомъ двадцатилѣтней охотничьей практики.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого спора компанія наша собралась на кабанью охоту. Т. тоже изъявилъ желаніе ѣхать съ нами, говоря, что въ дни своего студенчества онъ былъ страстнымъ охотникомъ и порядочнымъ стрѣлкомъ. На другой день, когда охотниковъ разставляли въ пересаду, Т. не взялъ №, а попросилъ позволенія стать вмѣстѣ со мною на одномъ №, говоря: „ни мѣста, ни ружья я не знаю, потому и хочу стать около васъ. Не безпокойтесь,—я вамъ не помѣшаю!“ Я согласился.

Гонъ начался.

Въ разныхъ мѣстахъ пересады уже было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ; наконецъ послышались и шаги загонщиковъ; вслѣдъ за этимъ правѣе насъ раздался сильный трескъ валежника. Крупная свинья вынеслась на со-

сѣдній № и была встрѣчена выстрѣломъ берданки почти въ упоръ.

Въ первый моментъ мы были убѣждены, что сосѣдъ далъ постыдный промахъ, но затѣмъ увидѣли, что свинья, пробѣжавъ за цѣпь небольшое разстояніе, упала какъ сраженная молніей.

Мы подошли къ убитой свиньѣ. Оказалось, что послѣ выстрѣла она прошла еще 52 шага, будучи раненой подъ лѣвую лопатку. Одинъ изъ подошедшихъ загонщиковъ сталъ ее потрошить, а докторъ Т. внимательно разсматривалъ вынимаемую внутренность. Онъ и тутъ не допускалъ мысли, что сердце было поранено. Нагнувшись къ свиной тушѣ, онъ собственноручно вынулъ изъ нея сердце и, стоя съ растопыренными руками, недоумѣвающе бормоталъ: „ничего не понимаю; чортъ знаетъ, что такое!“

Пуля прошла сквозь нижнюю половину сердца.

На мой вопросъ: „ну что?“ онъ сталъ говорить, запинаясь, о разныхъ рефлексахъ и инерціяхъ, съ такой ясностью, что никто изъ присутствовавшихъ не могъ ничего понять. Въ концѣ концевъ на всѣ наши возраженія онъ только и говорилъ: „Да-съ! случай!“

Зачастую окрестные жители Бакаса весною поджигаютъ тамъ камыши и этимъ способствуютъ скорѣйшему переселенію свиней въ близлежащіе лѣса. Конечно, не обходится безъ того, чтобы часть зазѣвавшихся и такимъ образомъ захваченныхъ врасплохъ свиней не погибла.

Однажды однимъ „горе-охотникомъ“ была убита свинья, первая и, вѣроятно, послѣдняя жертва его охотничьихъ подвиговъ. Восторгамъ не было конца, но вскорѣ они смѣнились огорченіемъ, такъ какъ собравшаяся къ убитой свиньѣ компанія охотниковъ стала подсмѣиваться надъ „горе-охотникомъ“, говоря, что онъ можетъ бить только зажареныхъ свиней. Убитая свинья оказалась дѣйствительно осмоленной на чисто; даже на шкурѣ ея было нѣсколько значительныхъ обжоговъ. Очевидно, что свинья эта была изъ числа запоздавшихъ при бѣгствѣ изъ пылавшихъ камышей Бакаса.

Какъ я выше сказалъ, по звѣрю мы всегда охотились съ загонщиками и гончими, сами же становились на ла-

захъ. Далеко не такъ охотятся на кабановъ туземцы. У нихъ два рода охоты: 1) съ дворовыми собаками и 2) безъ собакъ, но съ верховыми загонщиками. Первый родъ охоты практикуется зимою, а второй—осенью.

На сѣверо-восточномъ Кавказѣ съ начала декабря начинаетъ перепадать снѣжокъ, и вотъ туземные охотники пользуются имъ для своихъ цѣлей какъ нельзя лучше. Два или три охотника сговариваются идти вмѣстѣ; каждый беретъ съ собою одну или двухъ собакъ-овчарокъ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ про этихъ замѣчательныхъ животныхъ: обладая громаднымъ ростомъ, сильнымъ сложеніемъ, невѣроятною злобой и замѣчательною понятливостью, онѣ служатъ въ дѣлѣ охоты прекрасными помощниками своимъ хозяевамъ. Безъ такой собаки туземецъ и въ лѣсъ не пойдетъ.

Итакъ, сговорившіеся охотники въ назначенный день до свѣту отправляются къ близлежащему лѣсу, идя по опушкѣ котораго, они высматриваютъ свѣжій свиной слѣдъ; по этому слѣду углубляются въ лѣсъ и, когда по ихъ предположенію свинья должна быть близко, они пускаютъ впередъ по ея слѣду собакъ, которыя прекрасно понимаютъ, чего отъ нихъ требуютъ. Собаки бросаются во весь махъ на поиски и, какъ только увидятъ свиней, даютъ знать о томъ своимъ лаемъ, а настигнувъ ихъ, стараются окружить и задержать до прихода охотниковъ, которые не особенно торопятся идти на зовъ своихъ вѣрныхъ помощниковъ, такъ какъ хорошо знаютъ, что разъ задержанная собаками свинья никуда не уйдетъ. Охотники подходятъ вплотную къ осажденной свиньѣ и стрѣляютъ, обыкновенно въ упоръ.

Этотъ родъ охоты не представлялъ для насъ ничего интереснаго и заманчиваго, такъ какъ гоняться за свиньей по лѣсу, сплошь заросшему всевозможнаго рода колючими кустарниками, не можетъ доставить никакого удовольствія.

Совершенно другой видъ представляетъ второй родъ охоты, которая обыкновенно производится въ мѣстахъ, поросшихъ камышами.

Для этой охоты необходимо много конныхъ людей; поэтому, въ назначенный день, къ избранному мѣсту охоты

съѣзжаются до восьмидесяти человѣкъ, удальцовъ одинъ другого лучше. Разъѣхавшись цѣпью, они стараются захватить возможно большее пространство. Когда такимъ образомъ извѣстная часть камышеваго острова охвачена, тогда всадники подвигаются впередъ, не спѣша, съ шумомъ и гамомъ, процѣживая, такъ сказать, захваченное камышовое пространство.

Такъ какъ избранный камышовый островъ отдѣляется отъ другого такого-же острова чистымъ и ровнымъ пространствомъ, то вышедшія изъ подъ гона свиньи стараются скорѣе перебраться черезъ чистое мѣсто въ сосѣдній камышъ, но тутъ ихъ встрѣчаетъ другая партія конныхъ охотниковъ, которые стараются не допустить свиней до сосѣднихъ камышей, скача съ гикомъ и крикомъ наперерѣзъ.

Услыша этотъ шумъ, охотники-загонщики съ неменьшимъ шумомъ и гикомъ несутся, сломя голову, сквозь камыши на соединеніе съ товарищами. Выскочивъ на открытое мѣсто вразсыпную, каждый, избравъ себѣ жертву, мчится за нею, стараясь настигнуть и, джигитуя, ударить шашкой, либо кинжаломъ.

Въ этой охотѣ огнестрѣльное оружіе почти не употребляется, развѣ изрѣдка только раздастся пистолетный выстрѣлъ; это значитъ, что свинья ускользнула въ камыши отъ преслѣдовавшаго ее охотника, который, въ такомъ случаѣ, посылаетъ ей въ догонку пулю.

Благодаря ловкости наѣздниковъ, въ одну такую охоту избивается масса свиней; но, къ счастью, охоты эти бываютъ очень рѣдки.

Обиднѣе всего то, что вся убитая свинья въ большинствѣ случаевъ остается на полѣ сраженія и служитъ добычей волкамъ и шакаламъ, такъ какъ никто изъ этихъ охотниковъ (все больше мѣстная аристократія) не прикоснется къ поганому звѣрю, а тѣмъ болѣе не станетъ заниматься постыдной торговлей имъ. Иногда этими погаными животными пользуются живущіе по близости отставные солдаты, которые, узнавъ заранѣе о такой охотѣ, поджидаютъ по близости ея окончанія и, по отъѣздѣ охотниковъ, становятся полными хозяевами поля битвы.

М. В.